

Довод!

Сборник рассказов

Николай
Лакутин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Владимирович Лакутин

Довод! Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31724201

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-12350-2

Аннотация

Мои взгляды на жизнь и объяснение процессов мироздания пугают многих людей. Да, они отличаются от большинства общепринятых моделей. Порой отличаются довольно резко, но небезосновательно. В данном сборнике рассказов Вы, уважаемый читатель, встретите несколько рассуждений, которые, быть может, будут близки и Вам...

С теплом, Николай Лакутин!

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Собеседник	4
24 часа	12
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Николай Лакутин

Довод! Сборник рассказов

Собеседник

На обрыве высокой горы стоял человек. Руки его были сжаты в кулаки с такой силой, что лёгкое потрескивание кожи на пальцах доносилось до ушей. Глаза его были закрыты, и лишь на краях ресниц ветер теребил последние остатки слёз. Губы судорожно тряслись, слабо бормоча какие-то едва разборные слова. Тишина поглотила всё вокруг. Звучал лишь трепет рвущейся на ветру распахнутой одежды молодого юноши.

– Что ты делаешь, Рима? – вдруг почудился где-то бархатный спокойный властный голос.

Парень в изумлении открыл глаза, ослабил кулаки и оглянулся вокруг, пустынные просторы осматривалась с этого места, рядом никого не было.

– Что же, пора, – подумал он, не обращая внимания на донёсшийся откуда-то голос, – вот уже и сознание моё помутилось, мерещатся голоса, зовёт меня даль...

Парень сделал шаг в сторону склона, но вдруг почувствовал резкое усиление ветра, который и без того яростно трепал его одежду, а тут вовсе задул стихийно, не давая пере-

местить вторую ногу на край обрыва. И вновь послышался тот же властный голос:

– Значит, всё для себя решил, как мило...

Парень отступил назад и вновь огляделся кругом, и вновь не смог найти взглядом никого. В этой далёкой местности в сумрачный ветренный день был только он один. Но голос прозвучал тот же.

– Мне что, это не кажется? – задался вопросом юноша.

– Нет, Риман, сейчас твой рассудок светел, как никогда, и никаких помутнений в нем не происходит, а мысли приведшие тебя сюда, они не верны, оставь эту затею, возвращайся, ещё ты нужен многим.

Парень отступил на несколько шагов, ещё раз огляделся, опустил на колени, обхватив руками тяжёлую голову. Ветер плавно стих.

– Я всё решил для себя, а ты, внутренний голос, через мгновение обретёшь свободу, – подумал в ответ парень, встал и вновь стремительно направился к обрыву, но взвившийся моментально порывистый ветер откинул его обратно так, что парень, закачавшись, едва устоял на ногах.

– Ты думаешь, что общаешься с внутренним голосом, это не так, – вновь прокатился бархатный разлив вдоль ушей. – Когда я заселился на эти земли, ни тебя, ни твоего внутреннего голоса в помине не было, как впрочем и всех остальных, поэтому послушай старца, я знаю больше, не делай глупостей, не приближай свой час, он настигнет тебя в своё время,

но не сейчас, ещё не время, ступай...

Голос был не кричащий, не шепчущий, он был спокойный, даже слишком спокойный, умеренный, властный, проникающий в самую душу, в самую её глубину, и ощущался всем телом.

– Действительно, ничего подобного я раньше не испытывал. – Сказал теперь уже вслух Риман. – Откуда ты знаешь моё имя, кто ты и почему я не вижу тебя?

– Ты не видишь, потому что никогда не смотрел на меня, а знаю я о тебе всё, даже то, чего не помнишь и не можешь знать ты сам. Ты разговариваешь с ветром, друг мой...

– Почему ты не даёшь мне прыгнуть, что тебе за дело до меня? – выкрикнул вдруг куда-то вдаль юноша.

– Ты можешь ничего не говорить, я живу столько, что давно научился понимать всё то, о чём думают люди, к тому же разнообразием ваши мысли не блещут. Почему я не даю тебе сделать этот безрассудный поступок? Что мне за дело до тебя? Ты, друг мой, явно не осознаёшь всё величие своего собеседника. С тобой мы идём по жизни с момента первого твоего вдоха воздуха, когда ещё ты только появился на свет. Каждое твоё движение, каждое деяние не происходило без моего ведома, да, я не мог и не могу повлиять на твои мысли, это мне не под силу, но корректировать действия – моя святая обязанность. Ни одно дерево в этом мире не упало просто так, ни одна ветка не пошевелилась на ветру без дела, ни один листик не был мной сорван с куста без причины,

я живу всем живым, что есть на этой земле, я повсюду и во всём, и мне как никому другому известно, что твой час ещё не настал, возвращайся домой, Риман.

– Кто ждёт меня дома, скажи мне, кто вообще ждёт меня? Я разочаровался в этом мире, ветер, я многое понял, многое пережил, мне и посчастливилось и пришлось в свои совсем ещё ранние годы пройти через многие радости и пережить немало горя. Я осознал цену лживой дружбы, проник в счёт правдивости любви, в отношения парня и девушки, которые остывают со временем, и погасают в семейных узах, образуя привязанность, а не любовь, я много где работал, много трудился. Я работал на людей, люди работали на меня, я прожил не одну жизнь за свои молодые годы, но ни в одной из этих жизней я не познал радости и мудрости создания себя на этом свете, я не нашёл себя, я не нужен этому миру, может был нужен раньше, может ещё пригожусь, но в другой раз, дай мне пройти, ветер, дай мне исполнить задуманное.

На какое-то время ветер стих, как будто давая время парню поразмыслить обо всём ещё раз, но потом взвыл вновь, подхватывая под локти юношу:

– Я вижу, ты не в полной мере понимаешь смысл сказанного мной, возвращайся, пройдёт совсем немного времени, ты поймёшь, что был неправ, ещё почувствуешь вкус жизни и примешь его за данность, сейчас ещё не время, Риман. Не торопи события, не задавай слишком много вопросов себе, на всё ты получишь ответы, придёт время, но ты нужен этому

миру, тот мир, который отвергает тебя, одновременно, в тебе же нуждается, всё есть жизнь, и все законы в нём идентичны. Ты понял, ты осознал таинства взаимоотношений между людьми, в мире всё происходит по тому же сценарию, в этом хороводе жизни, сопровождаемом песнями, плясками, падениями и победами, запевала один, один организатор, который очень высоко ценит свои принципы, очень четко следует им, и делает всё размеренно, всё в своё время. Не торопи события, сынок, ступай домой, поразмысли над этим, и ты поймёшь, что хотел, было совершить большую ошибку.

– Ты сказал, что мы всю жизнь бок обок, что способен корректировать события, почему же ты позволил жизни так меня хлестать своим безжалостным бичом, который сквозь тело терзает душу? Почему позволяешь многим совершать те поступки, подобный из которых не позволяешь сейчас совершить мне, ты лицемеришь, ветер, ты ведь сказал, что принцип один, всё также как и у людей, дай дорогу, ветер, расступись, и я сделаю то, на что решился...

Парень в последний раз из всех сил ринулся к обрыву, и сделал последний рывок, прорывая ветер, оторвал ноги от склона, и, глядя в голубую даль, закрыл глаза, расправляя руки, подобно полёту птицы, почувствовал он, как парит его тело на сильном ветру и, падая, бьется о землю...

***

– Решил помериться силами? – вдруг прозвучал тот же голос где-то вдали, ветер стих, всё как будто остановилось.

– Ну, вот и всё, – мелькнуло где-то в свободном сознании юного парня. С трудом он смог открыть глаза, чтобы посмотреть, куда попал он сейчас, кто принял его скитающуюся душу, но обомлел, увидев себя на том же склоне горы. Голова сильно кружилась, со скулы капала кровь, половина тела ныла от ушиба о каменистую почву. Ветер вновь откинул его назад от обрыва, при этом сильно прижав к земле, так, что понимание происходящего пришло не сразу.

– Я думал, что уже разбился, я так долго летел...

– Время единица относительная, – отозвался ветер где-то уже совсем рядом, – не нужно больше испытывать меня, неужели ты думал, что стихия способная поднимать в воздух дома и тяжёлые грузовые составы не справится с весом твоего тела, наивно...

Парень приподнялся, и, нащупав в кармане платок, стал вытирать кровь с лица.

– Да, я многим не позволяю покидать этот мир раньше установленного срока, но и не всех держу, так как являюсь лишь частью системы, так же как и ты. Однако знаешь ли ты, сколько раз я предупреждал людей об опасности, сколько раз я завивал бурьянами дороги тем людям, путь которых лежал к смерти. Сколько раз я валил деревья, перекрывая тропы, срывал крыши домов и разорял хозяйства ради одной единственной цели, задержать людей, не дать им сделать, пойти,

совершить то, что делать не следует. Но ни разу, за всю свою жизнь я не услышал благодарности от людей за спасение их жизней, за спасение жизней их детей. Вот и сейчас, ты сидишь и ругаешь меня, я слышу твои мысли, ты в негодовании, но я привык к несправедливости, потому что незнание полной картины происходящего не позволяет вам – людям принимать правильные решения, делать правильные выводы, благодарить и радоваться жизни.

Парень молчал. Он вытирал кровь, осматривал ушибы на колене, пробовал подняться, но ноги неохотно слушались. И вот, наконец, когда ветер совсем стих, парень смог выпрямиться, вытянул руки вверх, потянулся, прогнул спину, опустился на камни и спокойно спросил:

– Тогда, четыре года назад, я разгружал вагоны на пристани, на верхней палубе оборвало стропы, и контейнер набитый товаром с грохотом свалился в нескольких футах от меня. Хотя судя по траектории, он должен был накрыть меня с головой. Этот случай не был счастливой случайностью?

– Ты прав, это была не случайность, более того это действие было умышленным, но виновники давно расплатились, а контейнер я протянул со смещением всего на пару метров... помнишь ли ты, какой был ветер в тот день?

Юноша потупил взор. Он долго смотрел себе под ноги, потом поднялся и направился домой, прихрамывая на одну ногу.

– А ты помнишь наш старый дом с верандой и цветущим

садом? – вдруг обратился он к ветру. Ответа не последовало. Юноша остановился, огляделся вокруг и увидел, как далеко-далеко ветер разгонял пасмурные тучи, и вдруг стали пробиваться лучи солнца, и небо стало безоблачным, и улыбка засияла на лице этого совсем недавно разочарованного в жизни молодого человека.

– В том саду, Риман, ты вот так же улыбался, когда ел из тарелочки сочные сливы, – отозвался ветер. – Я всюду был с тобой, и помню всё, и когда после школы ты возвращался в дурном настроении из-за низких отметок, я щекотал тебе брови, и по осени я сопровождал тебя подбадривая сильными ветрами, но ты лишь морщил лицо, как бы я не старался разгладить на твоём лице улыбку, сколько лет ты чувствовал лёгкий ветерок по утрам в своей комнате, от которого никогда не простывал, но и не мог найти его природу, поскольку сквозняков в твоей комнате нет. Я повсюду с тобой, Риман, помни это, и поступай так, как велит тебе сердце, а не разум...

После этого Риман не слышал никаких речей, он спокойно шёл домой, воодушевлённый и переполненный чувством величайшей поддержки. Ещё раз он остановился, обернулся, посмотрел, как в дали ветер прячет солнышко за редкими облаками и промолвил:

– Спасибо тебе, ветер...

В ответ подобно дыханию, лёгкое прикосновение почувствовал в руке юноша.

24 часа

На спуске с узенького горбатого моста над небольшой речушкой, каких в городе множество, грузного мужчину смотрящего себе под ноги под вечер остановила старая цыганка.

– Позолоти ручку, касатик, всю правду скажу, что было, что будет...

– Нету у меня ничего, останови, кого побогаче, – перебил её мужчина, явно не желая прерывать свой путь на разговоры с разносортными попрошайками.

– Остановила бы, коли кто другой шёл, а то час уж тут стою, ни души, вот тебя одного и вижу перед собой. А ты не торопись, милый, дай ручку мне свою левую, я хоть гляну, что ты пасмурный такой ходишь, совсем вон лица нет, за это денег не возьму.

Много дней в своей жизни встречал и провожал мужчина, сходящий с моста, да только ни разу не имел дела с цыганским гаданием, слышал много, но никогда не обращался ни к кому, хотя интерес порой и проявлял.

– Ну ладно, держи, терять мне теперь уж нечего, напугать меня ничем ты уж не сможешь, украсть у меня тоже нечего, держи, – и мужчина протянул левую ладонь.

– А ну-ка вон ту дай, левша что ли? – с интересом спросила цыганка.

– Пишу правой, так научили, а по сути, я левша, это прав-

да.

– Тогда правую давай, сейчас посмотрим, что там хорошо... – цыганка замолчала, взглядываясь в ладонь как будто подслеповатыми глазами, то щурясь, то наоборот расширяя орбиты и отодвигая ладонь подальше от глаз. Потом взглянула на мужчину, оглядела с ног до головы, заглянула прямо в глаза и с суровым нахмуренным видом спросила:

– Валентин передо мной?

– Сергеевич... Валентин Сергеевич я, там что, написано?

– Да здесь не то ещё написано, погоди-ка... так... вот... ну, точно, было-то неплохо всё, а, Валентин? Любимым делом был занят, да ещё и зарабатывал неплохо, хорошо зарабатывал-то. А сейчас, значит, без копейки слоняешься по городу, без денег и без идеи. Ну ладно, что же бывает, не ты первый разорился, ничего тут сильно страшного-то... – Цыганка на какое-то время умолкла и вновь пристально уставилась в правую ладонь мужчины.

– А, ну конечно, женщина твоя ушла, сразу после разорения, так что там ещё... – продолжала она, – с друзьями, значит, перестал дружбу водить... тебя друг подставил, лучший друг тебя подставил... и подставил сильно. Как быстро в твоей жизни протекают события, неделю назад бы мне тебя встретить, Валентин, вот тогда бы и я при деньгах домой пошла, и тебе бы может сохранить имеющееся помогла, ну, да так значит, должно всё и быть. А ну дай левую ещё разок, там что-то о будущем говорилось.

– Только денег у меня нет, ничего нет.

– Да вижу я, что гол ты как сокол, не дрейфь, сказала же, не возьму денег, давай смелее.

Но на этот раз цыганка недолго смотрела на ладонь. На-спех глянув в несколько воображаемых точек, она отбросила ладонь мужчины нелепым жестом в сторону, посмотрела на него с испугом и ничего не сказав, повернулась и пошла прочь от моста.

– Эй, ты чего это? – крикнул в след мужчина, сделав несколько шагов по направлению к старой цыганке. Та обернулась, но продолжала молчать, глядя прямо в глаза возбуждённому любопытством мужчине.

– Чего ты там увидела-то, не скажешь? Или не смогла ничего прочесть, тогда так и скажи, чего замолчала-то резко?

– Как много вопросов у тебя, касатик, – грустно на выдохе проговорила цыганка. – Прочесть – прочла, и сказать я могу, что на руке твоего будущего предначертано, да только хочешь ли ты знать это, надо ли тебе оно?

– Вот, вот все вы такие, сначала заманите, сами же цепляйтесь, ищите, чем бы человека зацепить за живое, а потом и тянете с него всё что можно, – разгорячившись, с обидой на повышенных тонах выдал мужчина.

– Да что с тебя возьмешь-то, ну хочешь – на, жить тебе осталось, Валя, сутки, не больше. – И развернувшись, скрылась с глаз старая цыганка, оставив ошалевшего мужчину с полуоткрытым ртом на спуске узенького моста, каких в го-

роде много.

***

Цыганка была, как видно, знающей своё дело, всё правильно сказала она грузному мужчине, слоняющемуся по городу. Действительно, ещё неделю назад, Валентин Сергеевич даже предположить не мог, что поставленная неосторожно подпись на подsunутом листе вместе с кучей других бумаг лучшим другом, соучредителем крупной компании, приведёт его к полной потере всего, что он имел. Все заработанные деньги Валентин вкладывал в развитие своей компании, и как раз в том момент, когда было вложено всё, и даже заёмные кредитные средства, которые он взял накануне, ведь проект окупался сторицей, он вдруг оказался ни с чем. А так как проблемы в бизнесе представителей банков не интересуют, мысли по поводу того, как рассчитаться с долгами не покидали этого несчастного человека ни днём, ни ночью на протяжении всей этой недели. Спать он не мог, глаза болели, от изможденности кипел мозг, изнывало тело, забивался в тёмный угол сущности дух. Жил последние несколько лет Валентин в квартире гражданской жены, прекрасной, до поры до времени женщины, которая вдруг перестала быть прекрасной в тот же день, когда оценила сложившуюся обстановку и не самым вежливым образом выпроводила своего сожителя, выбросив его вещи из своей квартиры и сменив

замки.

Мысли о совсем недавнем прошлом, об ожидаемом будущем метались в голове как сумасшедшие: «Друг – эх друг, работа, та которой я жил, женщина, которую любил». Вихри мыслей не давали есть, спать, думать о чём-то другом, Валентин чувствовал, как теряет саму способность размышлять, казалось жизнь оборвалась, и теперь уже смысла жить совершенно не видно на горизонте. Быть может он, этот смысл всё же есть, быть может, он чуть дальше видимого горизонта, но сил на совершенно незнакомую дорогу в поисках смысла уже не оставалось. Все эти разом навалившиеся несчастья просто не давали ничего делать, они испепеляли изнутри всё то, что раньше было в голове, душе, и теперь уже губящее пламя перекинулось на тело. Провалившись неделю у матери, Валентин впервые за несколько дней вышел на улицу, чтобы хоть как-то развеяться, просто посмотреть на белый свет и увидеть какую-то надежду и какой-то может быть ответ хоть на один из множества вопросов. Именно в этот момент он и встретил на спуске моста старую цыганку. И человек, который едва нашёл в себе силы попробовать немного абстрагироваться от существующих проблем, вдруг получает известие, что жить осталось не больше суток.

Долго стоял он у моста, перемалывая в голове последнее сказанное цыганкой. Вот теперь он действительно не знал, что делать. Первое, что пришло в голову – утопиться, но какой в этом смысл, днём раньше, днём позже...

Побродив ещё немного по городу с оборвавшимися заботами, мыслями, какими-то возможными делами, Валентин вернулся в родительский дом, лёг спать и крепко проспал до середины следующего дня.

***

Так крепко не спал Валентин уже много лет. Почти сразу после института он устроился на суетную работу, потом на другую, позже сменил направление, и спустя какое-то время, набравшись опыта, он открыл на пару с другом небольшую компанию, которая за несколько лет приобрела внушительные масштабы и вышла на серьёзный оборот. Всё какая-то спешка, заботы, нервы, дела. Серьёзные проекты запускать в своём бизнесе этот несчастный человек, который имел все шансы на успех, и в процессе запуска тоже жертвовал спокойным сном. И вот это злосчастная изматывающая неделя, которая выжала всё, что ещё оставалось из сил и здоровья.

Но после слов цыганки, что-то произошло, что-то резко изменилось. Настала пустота, и исчезли заботы, полностью, все. Ещё не заняли своё место в голове мысли о похоронных и траурных мероприятиях, так скоро предстоящих, ещё не появилось жгучее желание рассказать обо всём, что узнал, родным и близким, настала крошечная пустота и спокойствие... и дикое желание забыться во сне, и быть может, уже никогда не просыпаться.

Но когда солнечные лучи уже больше не в силах были сдерживать плотные занавески, Валентин нехотя приоткрыл свои глаза. Ещё какое-то время лежал, наслаждаясь тем расслабленным и умиротворённым состоянием, которое он ощущал каждым рецептором своего тела. Голова была лёгкой, глаза отдохнувшими, тело расслабленным, душа на своём месте, а удары сердца не были слышны. Такого состояния не всплывало в памяти, наверное, с детства, когда беспечным пацаном, Валька с другими мальчишками с утра до вечера гонял во дворе мяч, а вечером падал в кровать, не в силах что-нибудь съесть и смыть толстенный пыльный покров со всего тела.

И если бы не первая мысль: «Не в раю ли я?», то может быть о вчерашней встрече с цыганкой, мужчина бы ещё долго не вспоминал. А вспомнив, всё же нашёл в себе силы улыбнуться и вслух сказал пустой светлой комнате:

– Я ещё жив!

***

Думать о смерти не хотелось, настроение было на удивление лёгким и даже в какой-то степени праздничным.

– Проведу последние часы налегке, раз уж так случилось, что от всех вчерашних проблем я вдруг резко освободился, – подумал Валентин. С простодушной улыбкой он легко и непринуждённо встал с кровати, раздвинул шторы и уви-

дел за окном жизнь. Всё крутится, всё вертится, перемещается, мерцает, даже как-то захотелось окунуться в эту стремительно меняющуюся и бурно текущую, подобно горному ручью, реку.

– С детства не бывал на аттракционах, а сегодня ведь воскресенье, все развлекательные центры работают!!!

И после завтрака забывший о тягостном настроении мужчина отправился в парк развлечений, последний раз в жизни взяв у матери немного денег.

Как здорово лился детский смех со всевозможных каруселей, аттракционов и забав. Молодые родители вместе со своими румяными малышами катались на разноцветных лошадках, кружащихся ракушках, из центробежных колёс доносились весёлые задорные крики молодёжи. Очередь на колесо обозрения заставила сменить маршрут, и на последнее свободное место в очередном забеге «рельсовых горок на виражах» Валентин присел рядом с милой улыбчивой дамой, примерно того же возраста, которая как будто даже обрадовалась соседу по купе и осторожно застенчиво спросила:

– Простите, пожалуйста, мне мои крики, если я вдруг не смогу сдержаться, понимаете, проиграла подруге в споре на желание, и она, чертовка, в качестве заслуженной расплаты усадила меня на этот аттракцион, знает, как я боюсь подобных вещей, но, как говорится, карточный долг...

– Вы играете в карты? – с любопытством поинтересовался обрадованный столь приятным партнёром Валентин?

– Я, да, ... а вы нет?

– Я, наверное, уже забыл какие масти-то бывают, помню, что маркировка красная да чёрная, ну вот на этом мои познания в карточных играх, пожалуй, и заканчиваются.

– Да нет, вы не подумайте, я не картёжница, просто иногда по вечерам так становится тоскливо, ну вот я и зову в гости подругу, она такая же одинокая, как и я, и чёрт дёрнул её за хмельной язык предложить игру на желание, а я, по простоте душевной, согласилась.

– А вы знаете, меня, откровенно говоря, очень даже раду-ет, что у вас с подругой всё так разыгралось, а то сидел бы я сейчас с каким-нибудь подпитым подростком, а не с прекрасной милой дамой, к слову, очень приятной в общении.

Женщина смущённо улыбнулась и прикрыла рукавичкой лицо.

– Я, признаться, тоже здесь сейчас оказался по воле судьбы... – но договорить Валентин не смог, так как все пассажиры расселись по своим местам, и колонна из двухместных вагончиков покатила по рельсам, начиная набирать скорость на подъём.

– Мамочки, держите меня, прошу... как страшно... – тихонько в себя заголосила женщина. И только после того как дружелюбно настроенный сосед молча взял её руку в свою и они совместно обхватили дуги пассажирского держателя, вагончики накренились через перевал и понеслись на бешеной скорости вниз. Крики и голоса слились в единый радост-

но-пугающий восторг, в котором время от времени вырывались отдельные визги пассажиров поддержанные крепким русским матом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.